

Жизнь человека как приоритетный объект уголовно-правовой охраны

Аннотация. Автор статьи исходит из незыблемости положения о том, что жизнь человека возглавляет иерархию ценностей, охраняемых уголовным законом. Признание и фактическое закрепление данного положения — одно из безусловных достижений принятого в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако несметное количество дополнений и изменений, внесенных в УК РФ уже после его вступления в силу, вызывает вопрос о том, не ставят ли они под сомнение постулат о жизни человека как приоритетном объекте уголовно-правовой охраны?

Для ответа на этот вопрос в статье обосновывается тезис, согласно которому решающими показателями оценки жизни человека в качестве важнейшего объекта уголовно-правовой охраны являются место в системе Особенной части УК РФ, отведенное законодателем посягательству на жизнь (прежде всего убийству), и основания, установленные Общей частью УК РФ для назначения наиболее строгого из всех видов наказания (пожизненного лишения свободы / смертной казни). Исходя из этих показателей, изначально установленных в УК РФ, делается вывод о том, что на момент его вступления в силу жизнь человека действительно была на вершине системы ценностей и благ, охраняемых им. Однако в настоящее время данный вывод нельзя считать бесспорным, поскольку в УК РФ введены нормы, санкции которых строже санкции нормы об убийстве, а к основаниям назначения пожизненного лишения свободы теперь относятся не только посягательства на жизнь человека.

Сформулировано предложение о необходимости конструирования санкций норм — как вновь вводимых, так и уже имеющихся — таким образом, чтобы ни одно преступление не могло наказываться строже убийства. Кроме того, автор предлагает отказаться от законодательной и правоприменительной практики поглощения убийства квалифицирующими признаками других преступлений, имея в виду, что их надлежит квалифицировать исключительно по совокупности.

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны; жизнь человека; убийство; посягательство на жизнь; санкция нормы УК РФ; смертная казнь; пожизненное лишение свободы; геноцид; уголовно-правовая политика; совокупность преступлений.

Для цитирования: Кочои С. М. Жизнь человека как приоритетный объект уголовно-правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 6. — С. 75–84. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.075-084.

© Кочои С. М., 2023

* Кочои Самвел Мамадович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
sam.kochoi@bk.ru

Human Life as a Priority Object of Protection under Criminal Law

Samvel M. Kochoi, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
sam.kochoi@bk.ru

Abstract. The author of the paper proceeds from inviolability of the premise that a person's life presides the hierarchy of values protected by criminal law. Recognition and actual consolidation of this provision is one of unconditional achievements adopted in the Criminal Code of the Russian Federation of 1996. However, a myriad of additions and amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation after it entered into force raises the question of whether they do not call into question the postulate of human life as a priority object of criminal protection?

To answer this question, the paper substantiates the thesis that decisive indicators of assessing a person's life as the most important object of criminal law protection take the place in the system of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, which the legislator has assigned to infringement on life (primarily murder), and the grounds that are established by the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation for imposing the strictest of all types of punishment (life imprisonment or death penalty). Based on these indicators, initially established in the Criminal Code of the Russian Federation, the author concludes that at the time of its entry into force, a human life was really at the top of the system of values and goods protected by the Criminal Code. However, at present this conclusion cannot be considered indisputable, since the Criminal Code of the Russian Federation has introduced other norms where the sanctions are stricter than the sanctions of the norm on murder, and the grounds for the appointment of life imprisonment now include not only encroachments on human life. The author proposes to construct sanctions norms — both newly introduced and already existing — in such a way that no crime can be punished more severely than murder. In addition, the author proposes to abandon the legislative and law enforcement practice of absorbing murder by qualifying elements of other crimes, bearing in mind that they should be qualified only cumulatively.

Keywords: object of criminal law protection; human life; murder; assault on life; sanction of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation; death penalty; life imprisonment; genocide; criminal law policy; a set of crimes.

Cite as: Kochoi SM. Zhizn cheloveka kak prioritnyy obekt ugovolno-pravovoy okhrany [Human Life as a Priority Object of Protection under Criminal Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(6):75-84. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.075-084. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В Уголовном кодексе РФ, в отличие, например, от Земельного кодекса РФ, нет такого принципа, как «приоритет охраны жизни и здоровья человека», однако фактическое и юридическое присутствие такой задачи в нормах УК РФ признается всеми без исключения исследователями и специалистами. Вместе с тем после вступления в силу (с 1 января 1997 г.) УК РФ стал подвергаться столь частым изменениям, по сегодняшний день в него вносится такое количество дополнений, что возникает вопрос о том, учитывают ли они безуслов-

ный приоритет жизни человека в иерархии ценностей, находящихся под охраной закона? И если некоторые из законодательных новелл провоцируют сомнения в том, какой именно объект должен охраняться в первоочередном порядке, то не подлежат ли они корректировке с тем, чтобы не бросать тень в целом на задачи УК РФ?

В поисках ответа на эти вопросы в настоящей статье предприняты исторический и сравнительный анализ норм УК РФ, содержание которых напрямую связано с охраной жизни человека, по итогам которого сделана попытка обосновать ответы на указанные вопросы.

Основная часть

УК РФ закрепил то положение, о необходимости которого писали и говорили многие советские исследователи, — о жизни человека как наиболее важном объекте уголовно-правовой охраны. Напомним, что ни один из ранее действовавших советских уголовных кодексов не исходил из того, что жизнь человека возглавляет иерархию ценностей и благ, ими охраняемых. Так, в Особенной части УК РСФСР 1960 г. глава «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» была лишь третьей — после глав «Государственные преступления» и «Преступления против социалистической собственности». Неудивительно, что изначально по данному УК убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 102) наказывалось лишением свободы от 8 до 15 лет (со ссылкой или без таковой) или смертной казнью, тогда как измена Родине (ст. 64) влекла наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества или смертной казни с конфискацией имущества. Через год после вступления в силу, в 1962 г., УК РСФСР был дополнен нормой о хищении государственного или общественного имущества в особо крупных размерах (ст. 93¹), которая предусматривала такие же сроки лишения свободы, что и за убийство при отягчающих обстоятельствах (от 8 до 15 лет), а также смертную казнь. В целом наказание за последнее преступление оказалось даже строже, чем за квалифицированное убийство, поскольку включало еще и конфискацию имущества (помимо ссылки). В том же 1962 г. была изменена санкция нормы о получении взятки при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 173): она также в итоге оказалась строже санкции за убийство, предусмотренное статьей 102, поскольку содержала только смертную казнь с конфискацией имущества.

Еще раньше, в УК РСФСР редакции 1926 г., глава, предусматривавшая ответственность за

преступления против жизни, в Особенной части была только шестой. Максимальное наказание за его совершение — лишение свободы со строгой изоляцией на срок до 10 лет (ст. 136). Понятно, что большинство контрреволюционных преступлений влекли (или могли повлечь) более строгие наказания: расстрел и конфискацию всего имущества (ст. 58²–58¹¹, 58¹⁶).

В первом УК РСФСР — 1922 г. — преступления против жизни были предусмотрены в главе пятой Особенной части. Наиболее опасное из них — убийство — наказывалось лишением свободы на срок не ниже 8 лет со строгой изоляцией (ст. 142). При этом максимальный размер лишения свободы составлял 10 лет (ст. 34). Для сравнения: большинство контрреволюционных преступлений (гл. 1), не имевших отношения к посягательству на жизнь, наказывалось высшей мерой наказания — расстрелом.

То, что в УК РФ жизнь оказалась наиболее ценным объектом, формально подтверждает не только установление ответственности за посягательство на нее в первой же главе Особенной части или в первой же статье, открывающей ее. Санкция нормы об убийстве при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105) на момент вступления в силу УК РФ была самой строгой: она предусматривала лишение свободы на срок от 8 до 15 лет либо смертную казнь или пожизненное лишение свободы¹. При этом в Общей части УК РФ прямо предусматривалось, что пожизненное лишение свободы устанавливается только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь (ч. 1 ст. 57), а смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за те же самые преступления, посягающие на жизнь (ч. 1 ст. 59).

Помимо сказанного, следует обратить внимание на принципиальные изменения, внесенные в 2002 г., касающиеся нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ)². Эти изменения

¹ Еще более строгие санкции имели нормы о преступлениях, предусматривающих ответственность за убийство лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), или сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), — лишение свободы на срок от 12 до 20 лет (помимо смертной казни и пожизненного лишения свободы).

привели к признанию неправомерным деяния, заключающегося в умышленном причинении смерти лицу, чьи действия представляли реальную опасность для жизни подвергнувшегося общественно опасному посягательству (обороняющегося или другого лица)³. В прежней редакции рассматриваемой нормы столь недвусмысленное признание убийства лица, посягающего на чужую жизнь, обстоятельством, исключающим преступность, отсутствовало.

Однако в последующем в УК РФ были внесены изменения и дополнения, положившие начало сомнениям в том, что жизнь человека — это действительно тот объект, который охраняется наиболее строго. В 2004 г. к особо тяжким преступлениям против жизни, влекущим пожизненное лишение свободы (ч. 1 ст. 57), были добавлены особо тяжкие преступления против общественной безопасности⁴. В результате, если за самое опасное террористическое преступление (на тот момент предусмотренное частью 3 ст. 205 УК РФ) было установлено только лишение свободы на срок от 10 до 20 лет, то после принятия упомянутого закона к нему добавилось пожизненное лишение свободы. Вкупе с увеличенным минимальным сроком лишения свободы до 15 лет, таким образом, санкция за указанное террористическое преступление стала строже санкции за убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Следующий звонок прозвучал в 2012 г., когда перечень преступлений, за совершение которых назначается наиболее строгое наказание (ст. 57 УК РФ), был дополнен преступлениями против

половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет⁵. Если ранее наиболее опасный вид изнасилования (ч. 4 ст. 131 УК РФ) наказывался лишением свободы на срок от 12 до 20 лет, то теперь был увеличен не только минимальный срок лишения свободы (до 15 лет), но и добавилось пожизненное лишение свободы (ч. 5 ст. 131 УК РФ). Подобное изменение произошло и в санкции нормы, предусматривавшей ответственность за наиболее опасный вид насильственных действий сексуального характера (ч. 5 ст. 132 УК РФ). Таким образом, еще два преступления в УК РФ стали наказываться строже убийства при отягчающих обстоятельствах.

В том же 2012 г. перечень преступлений, за совершение которых устанавливается пожизненное лишение свободы, дополнен преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности⁶. Итогом данного решения законодателя стали рост минимальных сроков лишения свободы за наиболее опасный вид преступления, предусмотренного частью 5 ст. 228¹ УК РФ, с 8 до 15 лет (с сохранением его максимального срока в 20 лет) и дополнение ее санкции пожизненным лишением свободы. Речь, таким образом, идет уже о третьем преступлении, за совершение которого установлено более строгое наказание, чем за убийство при отягчающих обстоятельствах.

Последнее формальное расширение в УК РФ оснований назначения фактически самого строгого наказания произошло в 2022 г., когда стало возможным назначать пожизненное лишение

² Федеральный закон от 14.03.2002 № 29-ФЗ «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1021.

³ См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 21.07.2004 № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3092.

⁵ Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

⁶ Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1166.

свободы за преступления против половой неприкосновенности всех несовершеннолетних, а не только тех, кто не достиг 14 лет⁷.

Делая вывод о том, что санкция нормы за убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) теперь уступает по своей строгости санкциям норм за ряд других особо тяжких преступлений, мы осознанно оставляем без оценки факт наличия в ней наказания в виде смертной казни. Формальное ее отсутствие в санкциях норм за наиболее опасные преступления против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, на наш взгляд, никак не влияет на сделанный вывод. Дело в том, что отсутствие смертной казни в санкциях норм за вышеперечисленные преступления можно объяснить только тем обстоятельством, что почти сразу же после вступления УК РФ в силу данный вид наказания не стал назначаться. Только этим можно объяснить отсутствие каких-либо изменений или дополнений оснований назначения смертной казни (ч. 1 ст. 59) с момента принятия УК РФ. Естественно, возникает вопрос: зачем менять или дополнять норму, которая не применяется? Поэтому в последующем, когда санкции норм за ряд вышеназванных преступлений ужесточались, необходимость их дополнения смертной казнью отсутствовала. Таким образом, учитывать смертную казнь при сравнении санкций норм за убийство и иные особо тяжкие преступления не имеет практического смысла.

Однако не только расширение оснований применения пожизненного лишения свободы позволяет сделать вывод о нивелировании степени опасности преступлений против жизни и,

как следствие, значения жизни человека как наиболее важного объекта охраны УК РФ. Об этом свидетельствует также законодательная практика признания убийства одним из квалифицирующих признаков иных преступлений. С 2008 г. в УК РФ таким образом сконструированы особо квалифицированные составы террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205), захвата заложника (ч. 4 ст. 206) и диверсии (ч. 3 ст. 281)⁸. Созданные законодателем конструкции не только превращают жизнь человека во второй, лишь дополнительный объект уголовно-правовой охраны. Они, вопреки его намерениям, ослабляют, а не усиливают охрану жизни человека, поскольку исключают квалификацию по совокупности фактического совершения двух преступлений. Именно об этом напоминает рекомендация Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается частью 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует⁹. Как справедливо отмечает А. И. Парог, при такой рекомендации остаются без уголовно-правовой оценки многие признаки, предусмотренные частью 2 ст. 105 УК РФ. В итоге максимальный срок лишения свободы за один лишь террористический акт, предусмотренный пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, не может превышать 20 лет (без учета пожизненного лишения свободы), тогда как в случае его назначения за данное преступление и убийство, предусмотренное частью 2 ст. 105 УК РФ, по совокупности его максимальный срок будет равен 30 годам¹⁰.

Правда, практика знает и иную квалификацию, а именно когда совершается убийство, со-

⁷ Федеральный закон от 28.01.2022 № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 5. Ст. 677.

⁸ Федеральный закон от 30.12.2008 № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 29.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Парог А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95–103. См. об этом также: Кадников Н. Г., Дайшутов М. М. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. 2016. № 2 (56).

пряженное с похищением человека (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з» ч. 2 ст. 105), а также изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105). Во всех этих случаях Пленум Верховного Суда РФ считает, что убийство, сопряженное с любым из вышеназванных преступлений, последними не охватывается и нуждается в самостоятельной квалификации, то есть по правилам о совокупности преступлений¹¹.

Однако такая рекомендация противоречит положениям УК РФ, закрепленным в ч. 1 ст. 17, из которых следует, что формально с точки зрения закона ни особо квалифицированный состав террористического акта (деяния, повлекшие причинение смерти человеку), предусмотренный пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, ни убийство, сопряженное с совершением других преступлений, предусмотренное пунктами «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не должны квалифицироваться по совокупности преступлений. Получается, что речь следует вести об отсутствии единства в позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о квалификации двух преступлений, одно из которых — убийство. Но еще больше сомнений вызывает позиция законодателя, превратившего одно преступление в признак другого, то есть в конечном счете в одно преступление (содержащее квалифицированный состав), притом что имеется возможность сохранения за каждым из них значения самостоятельного преступления, что позволит квалифицировать их по совокупности.

Следует отметить, что сходная проблема — поглощение причинения смерти другим, объек-

тивно менее опасным преступлением — имеет место и в нормах УК РФ, предусматривающих квалифицирующий признак «то же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть», в частности в ст. 123, 124, 254 УК РФ¹².

О том, что ценность жизни как объекта уголовно-правовой охраны не растет, а падает, свидетельствуют также санкции ряда вновь введенных в УК РФ норм. Так, в 2016 г. УК РФ был дополнен статьей 316, во всех трех частях которой предусмотрено пожизненное лишение свободы или лишение свободы, максимальный срок которого составляет 20 лет, а минимальный — от 8 до 15¹³. Причем лишение свободы на срок от 8 до 20 лет может быть назначено фактически за действия, образующие пособничество в совершении деяния, даже отдаленно не имеющего отношения к посягательству на жизнь (ч. 2 ст. 361 УК РФ).

В результате внесенных в УК РФ изменений и дополнений нормы ряда статей о преступлениях, не посягающих на жизнь, имеют санкции более строгие, чем норма, содержащая санкцию за убийство при отягчающих обстоятельствах. Более того, эти санкции оказались строже даже санкции нормы о геноциде (ст. 357 УК РФ)! Возникает вопрос: означает ли это, что законодатель формально наделил эти преступления более высокой степенью общественной опасности, чем убийство и геноцид? Полагаем, что ответ на него скорее утвердительный, чем отрицательный.

Не ставя под сомнение право законодателя самому решать, что делать с санкциями действующих норм и какие санкции конструировать во вновь вводимых нормах, все-таки отметим, что

С. 105 ; *Гладких В. И.* Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // *Российский следователь*. 2012. № 11. С. 15–18.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См. об этом: *Антонченко В. В.* Охрана жизни человека — приоритет действующего уголовного закона? // *Криминологический журнал БГУЭП*. 2011. № 4 (18). С. 21–25.

¹³ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

эти санкции не должны ставить под сомнение наивысшую степень опасности посягательства на жизнь и наибольшую значимость жизни человека как объекта уголовно-правовой охраны. Очевидно, что если законодатель, например, решает вводить уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, то сроки лишения свободы в санкции даже его особо квалифицированного состава (ч. 3 ст. 207³ УК РФ) объективно не могут быть больше сроков лишения свободы за убийство. Точно так же если законодатель решает вводить пожизненное лишение свободы за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 УК РФ), то сроки лишения свободы за это преступление также не могут быть строже сроков этого вида наказания за убийство. Ни то, ни другое преступление не имеет своим объектом жизнь человека, значит, наказываться строже посягательства на жизнь оно не должно.

Необходимые коррективы в санкциях норм за особо тяжкие преступления, не посягающие на жизнь человека, не единственный способ, применив который можно вернуть составу убийства значение наиболее опасного из всех предусмотренных в УК РФ преступлений. Второй способ — это изменение санкций норм за само убийство. То есть в случае увеличения сроков лишения свободы за особо тяжкие преступления, не посягающие на жизнь, или установления за их совершение пожизненного лишения свободы, очевидно, должны быть повышены сроки лишения свободы также за посягательство на жизнь, в первую очередь за убийство.

Сомнительным представляется также приращение в УК РФ равной степени опасности составу окончательного убийства и покушению на него. Именно это мы наблюдаем в ст. 277, 295 и 317. Причем обращает на себя внимание более строгая охрана жизни государственного и общественного деятелей: с 2016 г. ответственность за посягательство на жизнь этих лиц начинается с 14 лет¹⁴. Почему законодатель отказал в охране

с этого же возраста жизни лицу, осуществляющему правосудие или предварительное расследование, или сотруднику правоохранительного органа (находящемуся, между прочим, в отличие от государственного или общественного деятеля, на переднем крае борьбы с преступностью), сложно понять.

В этом же ряду стоит проблема в целом наказуемости неоконченного преступления. Согласно ст. 66 УК РФ, срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за окончательное преступление. Но когда речь заходит о покушении на убийство, в особенности множества лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), ограничивать сроки (размеры) наказания установлением границ, которые нельзя превышать, полагаем, не вполне разумно. Представляется, что часть 2 ст. 66 УК РФ нуждается в изменении таким образом, чтобы суд не был лишен возможности назначать любое наказание и в любом размере (на любой срок) в случае покушения на жизнь при отягчающих обстоятельствах. Такую возможность — наказывать за покушение на убийство как за окончательное убийство — законодатель установил в случае посягательства на жизнь только ранее упомянутого круга лиц (ст. 277, 295 и 317 УК РФ), что может восприниматься как дискриминационное по отношению к иным категориям лиц решение.

Однако не только текущее состояние уголовного законодательства наводит на мысли о его постепенном фактическом отказе от когда-то провозглашенной в нем же приоритетной охраны жизни человека. Анализ практики назначения наказания за убийство показывает, что суд, названный героями одной из отечественных комедий «самым гуманным в мире», похоже, оправдывает такую оценку. Сложно себе представить теоретически, но за убийство, предусмотренное не только частью 1, но и частью 2 ст. 105 УК РФ, в 2021 г. назначалось условное

¹⁴ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ.

лишение свободы: соответственно 17 (из 4 519) и 4 (из 1 073) осужденным¹⁵. В первом полугодии 2022 г. осужденным за убийство, предусмотренное частью 1 ст. 105 УК РФ, чаще всего назначалось лишение свободы на срок от 5 до 8 лет (998 осужденным), но были и сроки необъяснимые — от 1 года до 2 лет (двум осужденным). Оказывается, даже за квалифицированное убийство может быть назначено лишение свободы на срок от 2 до 3 лет¹⁶.

В любом случае суды крайне неохотно назначают лишение свободы на максимальный срок, не говоря уже о пожизненном лишении свободы, к которому осуждается мизерное количество лиц: 50 — в 2019 г., 45 — в 2020 г. и 24 — в первом полугодии 2021 г. В целом же от общего числа осужденных, которым назначено наказание, пожизненное лишение свободы составляет примерно 0,008 %¹⁷.

Заключение

Признание жизни в качестве наиболее ценного объекта уголовно-правовой охраны было закреплено изначально — с момента вступления УК РФ в силу. Это подтверждает как анализ норм, устанавливавших основания назначения наиболее строгих видов наказания (пожизненного лишения свободы и смертной казни), так и санкции норм, предусматривавших ответственность за посягательство на жизнь, прежде всего убийство. Однако последующие изменения и дополнения, внесенные в УК РФ, поставили под сомнение это важнейшее его достижение, поскольку законотворческая практика при конструировании санкций новых норм перестала базироваться на безусловном его соблюдении.

Возврат к положению о наибольшей ценности жизни человека, изначально провозглашен-

ной в законе, возможен при условии отказа от практики придания убийству значения квалифицирующего признака любого другого преступления: подобные деяния надлежит квалифицировать только по совокупности. Кроме того, в УК РФ не должно быть санкций строже, чем санкция за убийство или иные посягательства на жизнь. В случае появления в УК РФ норм с такими санкциями должны быть также скорректированы (в сторону усиления) санкции нормы об убийстве.

Представляется, что ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах должна быть предусмотрена в отдельной статье, и она должна быть дифференцированной. То, что всем перечисленным в ч. 2 ст. 105 УК РФ обстоятельствам законодатель придал одинаковую степень опасности, — весьма спорное решение. Очевидно, что убийство двух или более лиц никак не может иметь ту же степень опасности, что и убийство одного человека (даже при наличии иных отягчающих обстоятельств, перечисленных в ч. 2 ст. 105 УК РФ). Подтверждением недооценки опасности убийства является также решение законодателя о расположении статьи, предусматривающей ответственность за геноцид, в том числе посягающий на жизнь целых групп населения, практически в самом конце УК РФ.

Еще одно предложение, преследующее цель отражения в законе значения жизни как самого ценного объекта уголовно-правовой охраны, — это строгая дифференциация ответственности за насилие, опасное для жизни, и насилие, опасное для здоровья. Конструкции норм УК РФ, объединяющие насилие, опасное и для жизни, и для здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 127, п. «в» ч. 2 ст. 206, ч. 4 ст. 296 и др.), представляют собой необоснованное отрицание объективно более высокой степени опасности первого из назван-

¹⁵ Судебная статистика РФ // URL: <http://tat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁶ Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3). Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2022 года // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 03.03.2023).

¹⁷ Генпрокуратура: В России за 2,5 года к высшей мере приговорено 119 человек // URL: <http://rg.ru/2022/01/11/genprokuratura-v-Rossii-za-25-goda-k-vysshej-mere-prigovoreno-119-chelovek.html> (дата обращения: 11.11.2022).

ных посягательств. Как известно, практика в содержание понятия «насилие, опасное для жизни или здоровья» вкладывает причинение вреда здоровью, в том числе легкого вреда, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности¹⁸. По сути, в данном случае насилие, опасное для здоровья, выдается за насилие, опасное для жизни. Между тем объективно они не могут иметь одну и ту же степень опасности и, стало быть, наказываться в рамках одной и той же санкции.

Точно такая же дифференциация необходима в нормах УК РФ, объединяющих угрозу совершения насилия, опасного для жизни, и само насилие, опасное для жизни (п. «в» ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 162, п. «в» ч. 2 ст. 211, п. «в» ч. 3 ст. 356¹ и др.). Очевидно, что ответственность за угрозу совершения посягательства (применения насилия) и фактическое его совершение

не может быть одинаковой хотя бы потому, что именно в последнем случае причиняется реальный вред объекту уголовно-правовой охраны — жизни человека. Далекое не случайно в литературе раздаются голоса в пользу разделения подобных норм¹⁹. Основанием для таких предложений являются в том числе сами нормы УК РФ (п. «в» ч. 2 ст. 127, п. «в» ч. 2 ст. 206, ст. 277 и др.), в которых ответственность за предусмотренные ими действия (посягательство на жизнь или насилие, опасное для жизни) не подразумевает ответственности за угрозу их совершения.

Очевидно, в дальнейшей работе над редакцией отдельных норм УК РФ (или редакцией самого УК РФ) надлежит восстановить безусловный приоритет охраны жизни человека как важнейшего достижения отечественной уголовно-правовой политики в целом и уголовного законодательства в частности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонченко В. В. Охрана жизни человека — приоритет действующего уголовного закона? // Криминологический журнал БГУЭП. — 2011. — № 4 (18). — С. 21–25.
2. Гладких В. И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. — 2012. — № 11. — С. 15–18.
3. Кадников Н. Г., Дайшуров М. М. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. — 2016. — № 2 (56). — С. 104–107.
4. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. — СПб., 2000. — 279 с.
5. Рарог А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 4. — С. 95–103.
6. Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. — 2017. — № 4 (125). — С. 155–178.

Материал поступил в редакцию 11 ноября 2022 г.

¹⁸ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 21) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См., например: Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 244–246.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonchenko V. V. Okhrana zhizni cheloveka — prioritet deystvuyushchego ugovnogo zakona? // Kriminologicheskiy zhurnal BGUEP. — 2011. — № 4 (18). — S. 21–25.
2. Gladkikh V. I. Paradoxy sovremennogo zakonotvorchestva: kriticheskie zametki na polyakh Ugolovnoy kodeksa // Rossiyskiy sledovatel. — 2012. — № 11. — S. 15–18.
3. Kadnikov N. G., Dayshutov M. M. O problemakh otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti // Obshchestvo i pravo. — 2016. — № 2 (56). — S. 104–107.
4. Milyukov S. F. Rossiyskoe ugovnoe zakonodatelstvo. Opyt kriticheskogo analiza. — SPb., 2000. — 279 s.
5. Rarog A. I. Oshibka zakonodatelya: vidy, prichiny, puti ispravleniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 4. — S. 95–103.
6. Rarog A. I. Ugolovnyy kodeks Rossii protiv terrorizma // Lex russica. — 2017. — № 4 (125). — S. 155–178.